

Ковыль съ мордвинникомъ растеть,
 И, разстилаясь въ день румяный,
 Цвѣтникъ сей длинной полосой
 Блестить, какъ океанъ багряный,
 Своей колючею красой.
 Я покажу ему титана,
 Который сѣдъ и старъ, какъ бѣсъ,
 Въ огромной области тумана
 Всегда въ войнѣ противъ небесъ.
 Изъ ребръ его окаменѣлыхъ
 Мильономъ волнъ оледенѣлыхъ
 Шумять, и лѣтомъ, и зимой,
 Ручьи съ свирѣпой быстротой.
 Напрасно жаръ полдневный пышетъ,
 Сразясь съ тройнымъ его вѣнкомъ,—
 Сердить и пасмуренъ, онъ дышетъ
 Одними вьюгами и льдомъ.
 Кругомъ, отъ моря и до моря,
 Хребты гранита и снѣговъ,
 Какъ Эльбурсъ, съ природой споря,
 Стоять отъ бытности вѣковъ;
 И неприступная сіяетъ
 Изъ облаковъ ихъ высота;
 Туда лишь дерзкая мечта
 Съ царемъ пернатыхъ долетаетъ.
 Потомъ, направивши слегка
 Полетъ и взору, и надеждѣ,
 Я-бъ показалъ сему невѣждѣ
 Крутыя горы изъ песка,
 Которыхъ около Валдая,
 Разъ десять въ Питеръ проѣзжая,
 Замѣтить вѣрно онъ не могъ.
 А что за видъ! какой песокъ!
 Куда вашъ славный Воробьевскій!..
 Какой-нибудь писецъ московскій
 Не только-бъ въ думѣ пожалѣлъ
 Засыпать имъ свой бредъ плутовскій,
 Но право-бъ горсть тихонько съѣлъ!
 Потомъ, пришедши съ нимъ на берегъ,
 Я-бъ показалъ ему Сулакъ,
 Лихую Сунжу или Терекъ;
 Не утерпѣлъ бы онъ никакъ,
 Чтобы не вскрикнуть: что такое,